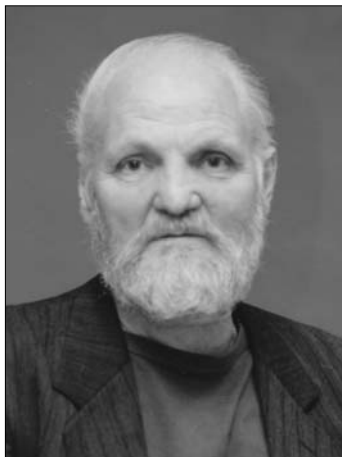

ВЛАДИМИР КРУПИН

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

КАРФАГЕН

И было-то это совсем недавно. Тунис. Ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И, конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: “Карфаген должен быть разрушен”...

Остатки амфитеатра. Осень. Мальчишки вдалеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю. Возвращаюсь — надо же! — полон берег весёлых мальчишек. Аплодируют смелому дедушке. Под ногами множество плоских камешков — “блинчиков”. Вода спокойная, очень пригодная для их “выпекания”. Бросаю — семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Ещё! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять “блинчиков”. Объявляю его победителем и — что-то же надо подарить! — дарю кепочку с эмблемой фонда Святого Апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну, не всё сразу, научится.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живет в Москве.

РАССКАЗ МАМЫ

Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

— Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: “Коля, как ты?” Он: “Мамочка, всё нормально”. — А отойду на кухню, слышу — тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. “Что, Коля, что?” А он спрашивает: “А почему ты платье передела? Такое платье красивое”. — “Какое платье, я с утра в халате”. — “Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: “Ну, что, полегче тебе?” — “Да ничего говорю, терпимо”. Говоришь: “Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо”. И как-то быстро ушла. Говорю: “Отец, может, тебе показалось?” — “Да как же показалось, я же с утра не спал”.

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете ушла от нас.

Великие люди — мои родители.

ХУДОЖНИК БОРЦОВ

Андриан Алексеевич Борцов, земляк, роста был небольшого, но крепок необычайно. С женщиной на руках плясал впредьку. Писал природу, гибнущие деревни. У него очень получалась керамика. И тут его много эксплуатировали кремлёвские заказчики. Он делал подарки приезжавшим в СССР всяким главам государств. Сервизы, большие декоративные блюда. Где вот теперь всё это? Уже и не собрать никогда его наследие. И платили-то ему копейки. Когда и не платили, просто забирали. И заикнуться не смей об оплате: советский человек, должен понимать, что дарим коммунистам Азии, Африки и Европы.

Старые уже его знакомые художники вспоминают его с благодарностью: он был председателем ревизионной комиссии Союза художников. “Всегда знали, что защитит”.

Он всю жизнь носил бороду. “В шестидесятые встретит какая старуха-комсомолка, старается даже схватить за бороду. А я им: на парикмахерскую денег нет. Не драться же с ними. А уже с семидесятых, особенно с восьмидесятых бороды пошли. Вначале редко, потом побольше, повсеместно”.

В моей родне ношение бород прервалось именно в годы богоборчества. Отец бороды не носил и вначале даже и мою бороду не одобрял. А вот дедушки не поддались. Так что я подхватил их эстафету.

Да, Андриан. Были у меня его подаренные картины, все сгорели. Но помню. “Калина красная”, например, памяти Шукшина. “Три богатыря” — три старухи, стоящие на фоне погибающей деревни, последние её хранители.

КАМЧАТКА

Декабрь, снега. Прилетел сюда, обогнав солнце. Взлетал при его полном сиянии, прилетел, а тут уже рассвет. Красные стёкла иллюминаторов. Живу несколько дней, погода всякая, но так хорошо! Вдруг объявляют с вечера штормовое предупреждение на завтра. А как улетать? Тут и на месяц, бывает, застревают. Были в эти дни и метели, и солнце, и холодно, и тепло, и пасмурно, и даже дождливо. Снега казались мне уже глухими. “Разве это снега? Снега у нас в марте. Снега и в мае лежат”. Из окна номера в гостинице — три сопки, “Три брата”. Разные всё время, не насмотришься. Да, Камчатку можно полюбить. Тем более, я житель школьной “камчатки” — последней парты. Да, посадили на неё за шалости, но как же на ней хорошо!

Жить на Камчатке трудно. Один факт — рыба дороже, чем в Москве.

Японцы всё время завидуют: “На Камчатке сто пятьдесят тысяч населения, в Японии сто пятьдесят миллионов”. Мол, делайте выводы.

Богатства Камчатки неисчислимы. Рыба, ископаемые, термальные воды, дичь. Показали газету 30-х годов. Рыбколхозу дают задание: заготовить на

зиму сто медведей, рыбколхоз рапортует: заготовили триста. Ужас. Ещё ужаснее: убили медведицу, медвежат раздают в бедные семьи, кормить на мясо к зиме. Ну, а что делать, это жизнь.

На Камчатку приехали молодые супруги. Заработать на квартиру. Дочка родилась и выросла до пяти лет. Это у неё уже родина. А деньги накоплены, и они свозили дочку к родителям. И уже вроде там обо всём договорились. Возвращаются за расчётом. Дочка в самолёте увидела сопки и на весь самолёт стала восторженно кричать: “Камчаточка моя родненькая, Камчаточка моя любименькая, Камчаточка моя хорошенькая, Камчаточка моя миленькая!” И что? И никуда ни она, ни родители не уехали. Именно благодаря ей. Сейчас она взрослая, три ребёнка. Преподаёт в воскресной школе при епархии.

Очень я полюбил Камчатку.

НИЦШЕ

И как только Ницше сумел так оболванить многих? Специально и внимательно читал, ещё в конце шестидесятых, получая из спецхрана, например, “Посрамление кумиров”. А уж себя-то Фридрих как любит: “Я говорю предложением то, что не сказать книгой... я дал глубочайшую книгу, моего Заратустру... я учитель вечного возвращения...”. Может, вот это Гитлеру нравилось: “Чтоб совершить преступление красиво, надо суметь полюбить красоту”. А это глупость: “Современный человек слишком ленив для некоторых пороков, так что они, пожалуй, в конце концов, переведутся”. Пороки? Переведутся? Да они могут только усиливаться. Если их не гнать молитвой.

И постоянный эпатаж: “Как ранит та рука, которая щадит”, — тут на Шекспира замашка. “Сердце не любит свободы, рабство от самой природы сердцу в награду дано”. “Данте — человек, раскапывающий могилы. Гюго — маяк на море безмыслия. Жорж Санд — дойная корова с “красивым стилем”. “Жизнь — это мирно и тихо гниющий от света могильный череп”. А вот это, может быть, верно: “Всё то, что мы лично переживаем, не может быть высказано. Речь... опошляет говорящего”. А вот это его или не его: “Искусство для искусства — собака, бегущая за свой хвостом?” А вот это — чистый фашизм: “Тот, на чьей стороне сила, не заботится о духе”. “Если все враги убиты, надо их воскресить, чтобы снова убить”.

За что ж его немцы любили, если он о них мнения невысокого: “Поверхностные немцы”, “Гёте — последний немец, к которому я питаю уважение”.

А это без комментариев: “В великих людях и в великих временах лежит чрезвычайная опасность: всяческое истощение, оскудение, бесплодие следует за ними по пятам”.

А это полнейший сатанизм: “Из любви к жизни следовало бы желать смерти, свободной, сознательной, без случайностей, без неожиданностей. Наше появление на свет не от нас зависит, но мы можем эту ошибку, — а это иногда бывает ошибкой! — вовремя исправить. Упраздняя (читай: убивая. — **В. К.**) себя, человек совершает достойнейший поступок, этим он заслуживает почти... жизнь”.

ВСЕМ ТРУБА

Совсем-совсем невесело жить: скандалы в семье, раздражение жены, усталость на работе, одиночество. Год не писал. На бумаге. А “умственно” пишу постоянно. Особенно когда занят не умственной работой. Косте помогаю строить баню. Роемся во дворе, в завалах дерева, железа, бочек, разных швеллеров, обрезков жести, кирпича. Ищем трубу на крышу. Трубы есть, но или коротки, или тонки. Такой, какая нужна, нет. Придётся идти на “французскую” свалку. Там были французские могилы. Тут и конница Мюрата была. И партизанка Василиса. Сейчас свалка.

Думаю: этот серый день, влажная ржавая трава, собаки и кошки под ногами, раствор глины в двух корытах, сделанных из разрезанной вдоль бочки, дым из трубы старой бани, подкладывание в печку мусора — всё это интересно мне и всё это и есть жизнь, а не та, в которой ко мне пристаю с рукописями, которые почему-то не первый экземпляр, которые, не читая, вижу насквозь, но о которых надо говорить.

С Костей интересней. Радио выведено на улицу, но его болтовня — как серая грязная вата для ушей. “И поэтому наши инвестиции...” У Кости не так:

— Блохи и вши бывают белые и чёрные. Белых бить легче. Лучше всего гимнастёрку положить в муравейник, потом месяца три не селятся. А чёрные прыгают, не поймать. Но ветра боятся. Подуешь, она прижмётся, тут её и лови. Отстань! — отпихивает он Муську. — Сегодня по радио: “Выставка кошек”. С ума сошли — пятьсот рублей котёнок. Тьфу! — Он запузывает матом и от возмущения ценой на котят прерывает работу. Начёрпывает внутри кисета табак в трубку, прессует пальцем. — Были выставки лошадей, коров, овец, свиней, сейчас кошек. Чего от этого ждать? Ничего, жрать кошек начнут — опомнятся.

Идём за трубой. На свалке, прямо сказать, музей эпохи. Выброшенные чемоданы, патефоны, примусы, телевизоры, плиты, холодильники, крысы живые и мёртвые, дрова, доски, шифер, россыпь патефонных пластинок. Нашли две трубы. Не очень, но приспособим. Ещё Костя зачем-то тащит тяжёлый обрезок стальной рельсы.

Обратно идём через аккуратного Федю. У него даже на задворках подметено.

— Трубу искали? — спрашивает Федя. — Сейчас всем труба. Пока вроде не сядят. До войны один жестянщик кричит на базаре: “Кому труба? Всем труба! Колхознику труба, рабочему труба! К нему тут же Очумелов, участковый: “А, всем труба? Пройдёмте!” Тот говорит: “Конечно, всем. И самовар без трубы не живёт, чай не поставишь. И на буржуйку труба”. Отступился. Только велел конкретно кричать: “Труба для буржуйки, труба для самовара!” Чего, долго вам ещё стройку века созидать? До морозов надо шабашить.

— Эх, — крикает он внезапно. Уходит в сарайку, возвращается с трубой. Да с какой! Из нержавеющей. — Аргоном варил, колено вот приварено, дымник. Дарю!

Костя потрясён, но сдерживается. “Будет за мной!” Торопится уходить. И те две трубы и рельс мы тоже не бросаем. Еле дотащили.

Кошки и собаки обнюхивают новые вещи. Несъедобны. По радио “Ночь в Мадриде” и “Арагонская хота”. В конце ведущая ляпнула: “Вот подошёл к концу наш музыкальный круиз...” Не сердись, Михаил Иванович, что с них взять, с “перестроенных”? Ты испанцев знаешь лучше их самих, понял? А мы и сами себя скоро забудем.

Всем скоро труба. Но ещё подышим.

ТОПЛЮ БАНЮ

Стыдно сказать, топлю шестой час подряд: дрова сырущие, баня худющая. Мусор жгу, фанеру. Сегодня даже солнце. Так неожиданно выходит из-за туч, что вздрагиваешь, как собака, которую неожиданно погладил хозяин. Или как наказанный и прощённый ребёнок.

Всё больше тянет к уединению. И даже не только для работы. Молод был, мог и на вокзале писать. И в ванной. Уединение сохраняет душу. Один находишься и не грешешь, хотя бы языком. И легче гасить помыслы, они быстрее замечаются. Легче глазам — не на кого смотреть, легче ушам — некого слушать. То есть как раз ушам полная благодать — слушать крик петуха, шум ветра, птиц, хруст снега... Стараюсь запомнить, как озаряется церковь, как обозначается на тёмном небе. Уходил из Лавры, всё оглядывался. У преподобного снопы, костры свечей, отражённые в золотых окладах. “Радуйся” акафиста. Прошу всё это жить в моём серд-

це, занять его. Чтобы, когда пытаться будут войти в него помыслы, им сказать: а место занято!

Колокол ударил. Негромко. Подождал, как бы сам прислушиваясь, так ли начал звон, ещё ударил, ещё. К вечерне.

Как же легче жить со Христом, слава Богу. Знали бы деточки. Нет, им их дела дороже. Что горевать, всё описано святыми отцами. И нечего думать, что кто-то страдает меньше другого.

В Лавре, в Троишском соборе у меня есть место, стоя на котором особенно ощущаю Божие присутствие в себе и в мире. Около хорутви. Даже иногда пол храма покачивается подо мной, как палуба корабля перед причаливанием к Святой Земле. Это ощущение хочется передать сыну, дай-то, Господи.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Создавались фонды, ассоциации, объединения, попечительские советы... Это 80-е. Стало модным приглашать батюшек для освящения офисов (так стали называться конторы), банков. А один предприниматель открывал бензоколонку и его подчинённый сказал, что надо отслужить молебен. “А это надо?” — недовольно спросил начальник. “Да сейчас вроде как модно”. — “Ну, давайте, только короче. В темпе!”. Отслужили в темпе. И бензоколонка вскоре сгорела. Тоже в темпе.

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Идёт тихий мокрый снег. С яблонь течёт, стволы почернели. Костя затопил баню. Дрова — просмоленные шпалы — дают такой дым, что Костя называет баню “Линкор “Марат”.

Надо привыкать к себе и не ругать себя, а понимать, и не переделывать, а потихоньку доделывать. Радуюсь одиночеству. Тут я никого не обижаю, ни на кого не обижаюсь. Такое ощущение, что кто-то за меня пишет, ездит за границу, выступает, говорит по телефону, а я, настоящий, пишу записки — памятки в церкви. На себя, выступающего, пишущего, говорящего гляжу со стороны. Уже и не угрызаюсь, не оцениваю, не казнюсь убогостью мыслей, произношением, своим видом в двухмерном пространстве. Конечно, стал хуже. А как иначе — издёргался и раздёргался. И вижу прибой ненависти к себе и нелюбви. И уже и не переживаю. В юности был выскочкой, даже тщеславен был. Себя вроде в том уверял, что рвусь на трибуну бороться за счастье народное, а это было самолюбие.

Хорошо одному. Стыдно, что заехал в такое количество жизней и судеб. На моём месте другой и писал бы, и молился бы лучше, и был мужем, отцом, сыном лучшим, нежели я, примерным.

Надел телогрейку, резиновые сапоги, носки шерстяные. Красота! Грязища, холод, а мне тепло и сухо. Так бы и жить. Снег тяжёлый, прямой. Но что-то уже в воздухе дрогнуло, пошло к замерзанию.

— Чего с этой стороны заходишь? — спрашивает Костя.

— В храме был, записки подавал. Суббота же Дмитриевская.

— Я не верю, — говорит Костя. — Что свинья живёт, что лошадь, что человек. Кто померёт, кто подохнет, кого убьют — всё одно. Не приучали нас. Учили, что попы врут. А выросли, сами поняли, что и коммунисты врут. Пели: “По стенам ползали, всех богов замазали. Убирали лесенки, напевали песенки”. Не верю никому!

— Но Богу-то надо верить!

— Да я чувствую, что что-то есть. Да что ж люди-то все как собаки? Злоба в них, как муть в стакане. Пока муть на дне — вода вроде чистая, а чуть качни — всё посерело.

— Прямо все как собаки? И ты?

— Да! Я же вчера с соседкой полаялся. И она оттягивалась.

ПРИМЕРЫ ОХМУРЕНИЯ УМОВ

Пятый век до нашей эры называют веком Перикла. До него возрастал авторитет разума, при нём появляются софисты. Выразитель их идей Протагор провозглашает человека мерой всех вещей. Но это путь к нигилизму и разобщённости. Люди неодинаково воспринимают окружающий мир. Истина у каждого своя. Начинает цениться тот, кто заставит других считать его точку зрения единственно правильной. Вот пример доказательства: ученик договаривается с учителем о плате за то, что учитель выучит его побеждать в споре. Выучился. Не платит. Почему? — “Ты должен был выучить меня убеждать, вот я и убеждаю тебя, что я тебе ничего не должен”. Но учитель отвечает: “Если ты меня убеждаешь, значит, ты выучился и должен платить, а если не убеждаешь, всё равно должен, так как ты не убедил меня не брать с тебя деньги”. Каково?

Или хрестоматийный пример: Философ заявляет: “Все критяне лжецы”. — “Но ведь и ты критянин, значит, и ты лжец. А раз ты лжец, значит, ты сказал неправду, то есть критяне не лжецы, а раз ты говоришь правду, но ты критянин, значит, ты лжец...”

Такие сказки про белого бычка владели умами.

Спасительным для античной мысли было явление Сократа. Аскет, смиренно терпящий визгливую жену Ксантиспу, он исследовал явления и теории, а не доказывал.

Софистов античности сменили схоласты Средневековья. Вновь (Джон Локк) зазвучала тема чувств. И в самом деле, нет того в мире, чего бы мы не познавали с помощью чувств. Но опять же — одному в комнате жарко, другому — холодно, одному кажется, что до города далеко, другому — близко. Что же может повлиять на чувства, управлять ими? Конечно, разум (Кант). Но и тут не стыкуется, разум у всех неодинаковый. Что же и кто же управляет разумом? Воля. Вот слово Ницше, Шопенгауэра. Тут подоспел племянник английской королевы, произошедший от обезьяны, Чарльз Дарвин с теорией эволюции. Благодаря ему в мир пришёл фашизм. Как? Но посудите сами: если человек произошёл от одноклеточных, выполз на сушу, оброс шерстью, взял в руки палку, съел банан, начал ходить, дошёл до печатного станка, он же не остановится, он же пойдёт дальше. Куда? От обезьяны к человеку, а от человека к сверхчеловеку. Не всем такое дано: арийцам дано, а славяне — это унтерменши, низшая раса. Ломброзо стал измерять черепа... Чего только не вываливалось из обезбоженных умов на одуроченные массы двуногих.

Какая там эволюция, чего болтать? Как был Адам, как была Ева, так и остаётся. Естественный отбор? А это не оправдание фашизма? Слабый? Уступи место сильному.

Сильный человек — герой западной литературы, нашей — герой сострадательный.

АЛЕКСЕЙ ВАНИН

Актёр Алексей Ванин, по сути, никогда не был актёром, занимался вольной борьбой. По всем статьям подходил. Большущий, сплошные мускулы и одновременно весёлый, общительный, начитанный. Завоевал звание чемпиона мира по вольной борьбе. И о нём написали сценарий “Чемпион мира”. И его снимали в роли чемпиона мира. И он, получается, играл самого себя. То есть не играл, повторял прожитое. Он говорил: “Я когда увидел себя на экране, я так хохотал! Мне казалось, что это не я”.

Фильм Шукшина (оба алтайцы) “Калина красная” держится в нравственном смысле образом Петра, брата Любы Байкаловой. Роль играет Алексей Ванин. Не бывший ээк Егор Прокудин, никак не решающийся встретиться с матерью, а именно герой Ванина, сильный, спокойный в своей народной правоте, держит уровень русской жизни. Именно он сметает с причала на своём грузовике эту нечисть, эту шпану, убивающую человека, решившего

жить нормальной жизнью. Выныривает, садится на кабину затонувшей среди реки машины, и видно, что уверен: он свершил нужное дело, а уж как к этому отнесутся всякие власти, это дело десятое. Кинооператор картины Анатолий Заболоцкий рассказывал, что актёр занырявал в кабину утонувшей машины и по команде (дёргали за леску) выныривал оттуда несколько раз.

Мы были дружны с Лёшей с 1979 года, года пятидесятилетия (всего-навсего!) Шукшина. Выступали на Пикете, в колонии, где снимались кадры “Калины красной”, купались и в Бие, и в Катуня. В одном месте подъехали к берегу, а в воде торчат бетонные сваи. А ехать в другое место неохота, да и жарища. Лёша разделся, говорит: “Я тогда почувствую, что постарел, когда испугаюсь прыгнуть с обрыва в незнакомом месте”.

И прыгнул!

И никогда он не постарел. Ему было уже девяносто лет, а он занимался с мальчишками вольной борьбой, проводил чемпионаты России. Находились добрые люди, помогавшие ему. Особенно предприниматель Левашов Юрий Александрович. Помню один такой чемпионат в Подольске. Я ничего не понимаю ни в вольной, ни в невольной борьбе, но мне было так интересно и полезно смотреть эти поединки, в которых побеждали сила и ловкость, но никогда не хитрость. За этим, за честностью борьбы Ванин очень следил.

Наградили победителей, пошли на банкет. Тут надо сказать, что на Лёшу всю жизнь вешались женщины. Что называется, было на кого. Он — человек открытый, доверчивый, шёл навстречу чувствам. В застолье жена (забыл имя) приревновала к девушке, которая явно набивалась во временные подруги. Лёша иронично воспринимал знаки внимания, шутил. А жена взвилась: “Немедленно едем!” — “Зачем? Надо же посидеть с людьми, оказать уважение: чемпионат какой провели”. — “Ну, и сиди, а я уезжаю. Навсегда! Никогда не вернусь!” И так далее, обычные слова обычной ревнивой жены”. — “Уезжай”, — хладнокровно ответил Лёша.

Он посидел ещё часик для приличия и засобирался. Пристающей красавице сказал: “Девочка, у тебя и без меня всё впереди”, — и поехал домой. Дома принял душ, лёг в кровать.

Назавтра рассказывал: “Я же алтаец, таёжник, охотник: и слух обострён, и чувства. Чую — кто-то есть. Затаился. Жду. Точно! — выползает. Хватаю — она! Вот дура из дур: заревновала до того, что приехала домой и залезла под кровать, чтоб меня подстеречь”.

Да, вспоминаю Алексея Ванина — богатырь во всех смыслах! Девяносто лет, а красавец! Статный, крепкий, в полном сознании. Это Алтай, это Россия.

КОРФУ

Холод в номере уличный. Я вернулся с долгой прогулки по городу. Темнеет рано, но город празднично освещён: скоро европейское Рождество. Дома, деревья, изгороди, парапеты мостовой — всё в весёлых мигающих лентах огоньков. Ветер и зелень. Длинная безконечная улица. С одной стороны — море, с другой — залив. Не сезон, пусто. Брошенные тенты, ветер хлопает дверцами кабинок. Берег покрыт толстым слоем морской травы. Волны прессируют его. Вроде бы и тоскливо. Но запахи моря, но простор воды, но осознание, что иду по освобождённой русскими земле, освежали и взбадривали. От восторга, да и от всегдашнего своего мальчишества, залез в море. Ещё и поскользнулся на гладких камнях. Идти не смог, выползал на четвереньках. Ни полотенца, ни головного убора. А ветрище! О чём думаю седой головой? Поднимался по мокрым ступеням. Справа и слева висающие и мигающие гирлянды огней. Декабрь, а всюду зелень. Даже и фонарики бутенвиллий.

Груша моя у отеля. Надо было просквозить в номер, но неловко, и так от них убегал. Стоял, мёрз, слушал. Гид: “Турки отрезали головы у французов и продавали русским. Русские передавали их родственникам для захоронения... Семьдесят процентов русских имён взято у греков. Но моё имя Панаиотис в Россию пока не пришло”.

Новость: нас не кормят. Надо самим соображать. “Ахи да охи, дела наши плохи, — шутит Саша Богатырёв. — Пойдём за едой. Кто в Монрепо, а мы в сельпо. — Рассказывает, что пытались ему навязать якобы подлинную икону. — Говорят: полный адекванс. Гляжу — фальшак”.

Я на скрипящей раскладушке. Боюсь пошевелиться, чтоб не разбудить соседей. Они всю ночь храпели, я сильно кашлял, надеясь, что их храп заглушает для них мой кашель. Встали затемно. Читали утреннее Правило. Ехали по ночному городу. Справа — тёмное, белеющее вершинками волн море, слева, вверху — худющая луна и ковш Белой Медведицы. Полярная звезда успокаивает.

Службу вели приехавшие с нами митрополит и архиепископы, а ещё много священников. Поминали и греческих иерархов, и своих. Храм высокий, росписи, иконы. Скамьи. Мощи святителя Спиридона справа от алтаря и от входа. Молитву ко причащению при выносе Святых Даров читали вслед за архиепископом Евлонием всей церковью.

Слава Богу, причастился.

Потом молебен с акафистом. Пошли к мощам. Для нас их открыли. Приложились. Ощущение — отец родной прилёг отдохнуть. И слушает просьбы.

На улице ветер. Опять оторвался от группы. Время есть, сам дойду, без автобуса. Пошагал. Куда ни заверни — ветер. В лицо, в спину. Особенно сильно у моря. Но если удаётся поймать затишное место — сразу тепло и хорошо.

Конечно, заблудился. Никто не знает, где отель “Елинос”. Это и неудивительно, это не отель, а, в лучшем случае, фабричное общежитие. А говорили: три звёздочки. Да Бог с ними, не в этом дело. Мы у святого Спиридона, остальное неважно. А ему каково бывало! За ночь я окончательно простыл. И ещё и сегодня ночь до перелета в Бари.

Наконец, мужчина в годах стал объяснять мне дорогу на всех языках, кроме русского. Я понял, что очень далеко, и понял, что давно иду не к отелю, а от него. Он показал мне на пальцах: пять километров. Направление на солнце. Отличный получился марш-бросок. Заскакивал сходу в магазины и лавочки, чуть не сшибая с ног выскакивающих встречать продавцов. Вскоре заскакивать перестал, так как убедился, что европейские цены сильно обогнали мои карманы, и просто быстро шагал. Купил, правда за евро булочку, да и ту скормил голубям.

В номере прежняя холодища. Кормить нас никто не собирается. Положенный завтрак мы сами пропустили, гостиничную обслугу не волнует, что русские до причастия ничего не кушают. Им это нравится, на нас экономят.

В номере прежняя холодища. Но у Саши кипятыльник и кружка. Согрелся кипяточком, в котором растворил дольку шоколада.

Читал благодарственные молитвы.

Какая пропасть между паломниками и туристами! Перед ними все шестерят, а нам сообщают: “У вас же пост”, — то есть можно нас не кормить. Но мы счастливы! Мы причастились у святителя Спиридона. И уже много его кожаных сапожков пришло в русские церкви.

Перелёт в Бари с приключениями, то есть с искушениями. Не выпускали. Стали молиться — выпустили. Уже подлетали к Италии, завернули: что-то с документами. Посадили. Отец Александр Шаргунов начал читать акафист святителю Николаю. Мы дружно присоединились. Очень согласно и духоподъёмно пели. В последнее мгновение бежит служитель, машет листочком — разрешение на взлёт. В самолёте читал Правило ко Причащению. Опаздываем. В Бари сразу бегом на автобус и с молитвой, с полицейской сиреной — в храм.

Такая давка, такой напор (Никола Зимний!), что уже не надеялся не только причаститься, но и в храм хотя бы попасть. Два самолёта из Киева, три из Москвы. Стою, молось, вспоминаю Великорецкий Никольский — Никольский же! — крестный ход. Подходят две женщины: “Мужчина, вы не поможете?” Они привезли в Бари большую икону Святителя Николая, епар-

хиальный архиерей благословил освятить её на мощах. Одного мужчину, мы знакомимся, они уже нашли. Я возликовал! Святителю, отче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим!

Конечно, с такой драгоценной ношей прошли мы сквозь толпу очень легко. Полиция помогала. Внесли в храм, спустились по ступеням к часовне с мощами. В ней теснота от множества архиереев. И наш митрополит тут. И отец Александр. Смирненно поставили мы икону у стены, перекрестились и попятились. И вдруг меня митрополит остановил и показал место рядом с собой. Слава Тебе, Господи! Ещё и у мощей причастился. Вот как бывает по милости Божией.

МАЛЬЧИК СЕРЁЖА

Он болел ножками, ходил с костыльниками. Ребята над ним иногда подшучивали. Он, конечно, страдал, но отмалчивался. Однажды класс повели в музей. А экскурсовод Людмила Вячеславовна была верующей. Она узнала его имя и, когда они подошли к иконе Божией Матери, всех остановила и сказала:

— Вы верите, что Господь может сотворить чудо? Вы умеете креститься? Показываю: три пальца, щепотку, ко лбу, на грудь и на плечи. Вы хотите, чтобы Серёжа выздоровел? Ведь каждый из вас мог бы оказаться в его положении. Сейчас мы перекрестимся. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Я прочитаю молитву Божией Матери, а потом мы все, кто как может, будем молиться Ей. Кто не хочет, может не молиться.

Все посерьёзтели. Людмила Вячеславовна обратилась к иконе, прочла “Богородица Дево, радуйся”. Стояло молчание. У Серёжи потекли слёзы, он стискивал перекладники костыльков. Прошло минуты четыре.

— Идёмте дальше, — сказала Людмила Вячеславовна.

А ещё через три месяца Серёжа пришёл в музей сам. Принёс два букета. Один подарил Людмиле Вячеславовне, а другой положил у иконы.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БОЛЕЗНЬ

— Старичок, прочёл твою повестушку, прочёл. Сказать честно? Не обидишься? Хорошо, но боли нет. Нет боли! Надо заболеть: без боли нет литературы. У меня это главный показатель — боль! Читаю: нет боли, отбрасываю. Не обижайся, ты не один такой. Вот и Чехова взять — сын умер, ведь это какая тема! Это ж полжизни уходит, конец света! А он с юмором, ну, что это? Идёт к лошади, рассказывает. Смешно? Стыдно! Ты согласен? — Так вешал прозаик Семён другу прозаику Евгению. — Согласен?

— Не знаю. То Чехов. Ему можно, — отвечал Евгений.

— Тогда этих возьми, ильфо-петровых: жена ушла, он мясо ночью жрёт, смешно? Какая тут боль? — вопрошал Семён.

— Но его же секут, ему же больно.

— Старичок, боль-то в том, что жена ушла к Птибурдукову! А нам смешно. Это же какая тема! Невспаханное поле — уход жены, это тебе не “шитьё с невынутой иглой”.

— Но как — ушла жена, в квартире пусто, одиноко. Плачет даже втихомолку, — оправдывал предшественников Евгений.

— То есть тебя эта тема цепляет? Вот и возмись, вот и опиши!

— Не смогу. От меня жена не уходила.

— Ты сказал, что уехала.

— В командировку.

— Командировка! Представь, что ушла совсем. Проникнись! Это же читателей за уши не оттащить — уход жены от мужа, нетленкой пахнет, а я буду с другого конца разрабатывать — уход мужа от жены. То есть я ушёл от неё. У тебя буду жить. Вместе будем осваивать пласты проблемы. Надо же крепить институт семьи! Ячейки общества гибнут, а мы — писатели — молчим. Вся надежда на тебя и меня. У тебя боль — жена ушла, а у моей

жены боль — муж ушёл. Боль на боль — это какие же искры можно из этого высечь! Одна боль — правда жизни, две боли — бестселлер. Но чтоб никакого юмора, никаких нестираных рубашек, недожаренных котлет. Да и зачем их жарить, я сосисок принёс. Боль до глобальности! Через наши страдания — к всеобщему счастью. Пер аспера ад астра. Латынь! Начинаем страдать. У меня с тобой. — Семён встряхнул портфель, в котором призывно зазвякало. — Слышишь?

Утром они встали поздно. Пили воду, ею же мочили головы.

— Чувствуешь, какая боль? — кричал Семён.

— Ещё бы! — отвечал Евгений.

— Усилим! На звонки не отвечай! Их и не будет, я провод оборвал. Все они, “бабы — трясогузки и каналы”. Это Маяковский. Будем без них. Одиночество индивидуумов ведёт к отторжению от коллектива, но для его же спасения. Запиши. Потом поймут, потом оценят. У нас не осталось там здоровье поправить?

— Найдём!

— О, слышу речь не мальчика, но мужа! Да чего ты стаканы моешь, чего их мыть? Надо облик терять, это же боль! И не умывайся. Страдай! Душа уже страдает, пусть и тело прочувствует. Надо вообще одичать. На пол кирпичей натаскаем, спать на них. И чтоб окурки бросать, пожара не бояться. Под голову полено. Нет полена?

— Нет, — отвечал Евгений.

— Старичок, да как же ты без полена живёшь?

Ещё через сутки Семён, сидя на полу, командовал:

— Пора описывать страдания! Не надо бумаги, пиши на обоях!

— Рука трясётся.

— Молодец, Жека, прекрасная деталь! Диктую: “Измученные, страдающие, они не могли даже удержать в руках карандаш. Вот что наделала прекрасная половина человек”. Запомни на потом. Сейчас попробую встать и пойдём похмеляться. — Взялся за голову: — “Какая боль, какая боль! Аргентина—Ямайка, пять ноль”.

Выползли на площадку. Навстречу им кинулись рыдающие жёны. А за ними стоял милиционер. Они вызвали его, потому что боялись входить в квартиру. Когда они объяснили, что это была не выпивка, а погружение в тему, милиционер им позавидовал.

— То есть это значит, что так просто стать писателем? Наливай да пей? Так, что ли? Так я так тоже смогу.

Милиционер ушёл. За Семёна и Евгения взялись жёны. Вот тут-то и началась боль.

ГОЛОС

У этой девочки был необыкновенный голос. Талант такой, что слушать, как она поёт: “Матушка, матушка, что во поле пыльно?” — нельзя было без слёз. Или “В низенькой светёлке”, или “Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят”. А уж как запоёт, как ангел: “В горнице моей светло, это от ночной звезды”, — это не высказать. Эх, какие мы, ничего даже не записали.

После одиннадцатого поехала в музыкальное училище. Никто ни на грамм не сомневался, что поступит. А на экзаменах провалилась. Почему? Ей даже и спеть не дали. А дело в том, что она в детстве зимой тонула в проруби, испуг получила на всю жизнь. И, когда её перебивали, начинала заикаться.

Её спрашивают на экзамене: “Что споёте”? — “Среди долины ровныя”. — “Давайте”. — Она уже и начала. — “Нет, нет, давайте что-нибудь повеселее”. Всё! Сбили. Стала заикаться, покраснела, расплакалась, выскочила в коридор.

Загубили великую певицу. Как потом ни уговаривали, никуда больше поступать не поехала. И больше в клубе не выступала. Только дома деточкам, их у неё трое, поёт.

КЕША НЕ КУРИТ!

Так громко и разборчиво говорил попугайчик, который влетел к нам в форточку. Уж как он выбрал именно её в двухсотквартирном доме, — непонятно. Такая была к нам милость. Я сидел за столом, вдруг в комнате затрещал будто пропеллер, и на плечо сел пёстрый попугай. Я замер. Он стал небожно теревить за ухо. Мы были очень рады, назвали его Гавриком, приучали к имени, но он твёрдо заявил: “Смотрите на Кешу, Кеша хороший мальчик”!

Стали узнавать, может, кто его ищет. Но, честно говоря, он был такой забавный, что отдавать не хотелось. Стали узнавать, чем их кормят, а пока узнавали, поняли, что Кеша всеяден. Он клевал со сквородок на кухне, ощипывал цветы на окнах, всюду оставлял следы пребывания. Вроде бы такой был грязнуля, но нет, когда мы завели клетку, стали менять в ней подстилки, Кеша оказался очень аккуратным. Но как же он был влюблён в себя. “Посмотрите на Кешу!” — и надо было посмотреть. В клетке у него был даже колокольчик и зеркальце. Он дёргал за шнурочек, колокольчик звенел, мы думали вначале, что нас веселит, нет, это приходила пора подсыпать ему в кормушку специальные зерносмеси для попугаев. Жизнь у нас получила дополнительные заботы. Кеша не выносил, если в доме слушали кого-то, кроме него. Телевизор он возмущённо перекрикивал и добивался его выключения. Так же и радио.

А у нас был серебристый пуделёчек Мартик, который тоже имел право голоса. Любил бегать за мячиком, прыгал, лаял. Но Кеша и этого не потерпел. В два счёта научился подражать лаю Мартика. Да. И начинал очень похоже тявкать. Наш Мартик сходил с ума. Легко ли, когда над тобой так издеваются. Кеша и над нами стал шутить: он наловчился передразнивать дверной звонок и звонок телефона. Вот представьте: ночь, в дверь звонят. Что это? Ну, конечно, кто-то из родни умер, принесли срочную телеграмму. Или телефон трещит ещё до рассвета. Вскაკиваешь, сердце бьётся, только потом понимаешь, что это шуточки Кеши.

Талант он был несомненный. Видимо, он во многих домах побывал, ибо лексикон его был разноплановый. “Курица не птица, баба не человек”. Какое это было слушать моей заботливой жене? “Как тебе, Кеша, не стыдно?”. Но Кеша быстро зарабатывал прощение. Он садился ей на плечо и шептал на ухо: “Кеша красавец, Кеша хороший, спой Кеше песенку”.

Пределом мечтаний Мартика было забраться на диван и просто полежать. Кеша и тут вредничал. Вот Мартик тихонько влез, вот убедился, что его не видели. Он вздыхает, сладко закрывает глаза, тут Кеша пикирует на спинку дивана и верещит: “Не хочу в школу, не хочу в школу, не хочу в школу!”

Вот какая нам загадка: глупый попугай умел говорить, хотя ничего не понимал, а умнейший пёсик, всё понимающий, говорить не мог.

Улетел Кеша по причине того, что приехал наш товарищ. Он был курящий, курил у форточки. А до этого его очень насмешил Кеша, который сообщил, что: “Кеша не курит, курить плохо”.

Да, шмыгнул “хороший мальчик” Кеша в форточку. И навсегда. Мы его долго искали, но зря. Очень мы его любили. Мы-то его ничему не научили. Хотя учили: “Не обижай Мартика, Мартик хороший”.

“МАЛЕНЬКИЙ МУК”

Так я прозвал электрический чайник даже не литровый, меньше. Прозвал, потому что маленький и очень быстро кипятился. В большом семействе батюшки отдыхать ему было некогда. И своя семья большая, и очень много гостей. Я предложил батюшке: давайте я вам куплю большой, а этот возьму себе. Получился такой обмен.

Чайник очень мне нравился: горбатенький такой, быстрый. Его ещё можно было назвать и коньком-горбунком, но раз назвал Маленький Мук, так и продолжал называть.

Да. А когда был пожар, и мой дом сгорел, то и чайник сильно пострадал. Весь стал чёрный, как парижский трубочист. Я его для опыта налил водой, включил, но ничего не получилось: течёт, не греется. А выбрасывать было жалко. Отчистил. В белый цвет он не вернулся, но от чёрного отошёл, стал промежуточным, как жёлтая роса.

Привёз в Москву. И ещё попытался включить. Нет, бесполезно. Ладно. Поставил в шкаф. А когда на старом месте сгоревшего построил новый дом, решил вернуть чайник на родину. Как память. Привёз. И вот — есть свидетели — налил воды, включил в розетку, и Маленький Мук моментально закипел, заговорил, как бы докладывая, что прибежал и своё дело исполняет. Так торопился, так радовался, что я радуюсь.

И работает до сих пор.

Всё-таки есть что-то такое в предметах, нас окружающих. Пусть не душа, но что-то. В тех, которые к нам привязываются. Тяжело же было Маленькому Муку в день согреваться раз по двадцать-тридцать. Я пожалел его, мне хватало раза три. Он и отблагодарил. Ещё и то ему понравилось, что не на чужбине пришлось жить. И тут не родина, из Германии приехал, но обрусел.

Вспомнил, как отец привёз из леса ёжика. Мы дверь закрыли, выпустили его на пол. Он убежал под печку и молчал всю ночь, а утром “обрусел”. Так сказал отец. То есть ёжик осмелел, подошёл к блюдечку с молоком и очень шумно стал лакать. Потом мы его даже тихонько гладили по колочкам. Потом выпустили. В лес отнесли. А жалко было выпускать. Даже и через почти семьдесят лет думаю, как он там тогда выжил. Ни молока, ни блюдечка.

ЭНЕРГИЯ — ДАР БОЖИЙ

Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, бесполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидроэлектростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища, рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях — сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра — атомные станции.

— А чем же это всё можно заменить?

— Ветер, — отвечал он. — Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. “Ветер, ветер, ты могуч”, ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывать великую, спасающую, ценность ветроэнергетики.

— Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил коммунистам. Рассказывал, что в 30-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, “ветряки”, начиная со стокиловаттных.

Кстати, тут и моё свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней, и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами — из ничего! — давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережала опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них!), и злоба к России (как же так — прекратится уничтожение сёл и деревень, да и городов, как же так — не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мёртвой водой, как же это позволить России самой заботиться о себе?)

Вывод один: всё время второй половины XX века никто и никогда не думал о народе.

И, тем более, сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и ЕГЭ-голова. И два глаза для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха для выслушивания брехни политиков и для лапши.

Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи — это же не природные явления, это гнев Божий.

Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в “Капитанской дочке”: “Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым”. А так оно и есть — ветер одушевлённый. “Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получите по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда”.

ДВУХСКАТНАЯ КРЫША

На севере вятского края, там, где водораздел северных и южных рек, то есть рек, которые несут свои воды или к Ледовитому океану или к южным морям, стоял дом с двухскатной крышей. В доме жил мальчик, семиклассник Миша. Был хорошим помощником маме и папе, надёжным товарищем. Учился хорошо, особенно интересовался географией. Это заметил учитель Павел Иванович. Давал Мише интересные книги о других странах, о природных явлениях.

— Ты уже знаешь, Миша, что наше село стоит как раз на водоразделе рек. А знаешь ли ты, что именно твой дом, он же на пригорке, именно он может быть указателем раздела. Я вообще думаю сделать табличку, чтобы люди знали это природное явление.

— И на нашем доме прибить?

— Именно так.

— Здорово!

В этот день Миша, вернувшись из школы, остановился перед своим домом и как будто впервые его увидел. Дом стоит окнами к востоку, к восходу, и у него двухскатная крыша. Одна сторона крыши обращена на юг, другая на север. Заходят они в дом с запада. У них в доме солнце весь день. С утра приходит в восточное окно, будит, потом идёт по часовой стрелке и вначале, до середины дня, нагревает южную сторону. Вот на ней уже и снега почти нет. После обеда солнце переходит на западную сторону, а северную и вовсе не греет. Вон какие сугробы с этой стороны на крыше.

Было не холодно в этот день. Солнышко светило. Шёл мелкий-мелкий снежок, снежинки вспыхивали на солнце, будто крохотные лёгкие зеркала.

Миша всегда любовался на увеличенные фотографии снежинок. Такие чудесные! Ни за что никому не сделать такие узоры. Только кружевницы как-то успевали запомнить их красоту и создать такие узоры. В районном музее они видели кружева северных мастериц. Особенно восхищённо любовались ими девочки. Может, и они смогут потом вязать кружева.

Миша глядел на крышу своего дома и видел, как снежинки садились на неё. Вот это да, думал он. Две снежинки летели вместе, а упали на разные стороны крыши, и дальше судьба их разделится навсегда. Одна растает, побежит вместе с ручейком к реке Лузе, а там к Северной Двине и в Белое море, Ледовитый океан. А другая к реке Вятке, Вятка к Каме, Кама к Волге, а Волга впадает в тёплое Каспийское море.

Конечно, рассуждал Миша, есть круговорот воды в природе. Вода испаряется, поднимается, замерзает, кристаллизуется, её носит ветром и она опять падает на землю.

К ним в школу приходил батюшка и говорил о воде как о Божием чуде.

— Трудно понять, что такое Святая Троица. Но когда это объяснить на примере из природы, то легко. Вот солнце — Бог Отец, круг. От него идут лучи, как посланники на землю, это Бог Сын. А от них тепло и светло, это

Бог Дух Святой. Также и вода нам поможет. Вода — кровь земли. Колодец, родник, река, озеро — всё вода. И вот зима, вода замерзает, но что такое лёд? Это всё та же вода в другом виде. А если воду закипятить, от неё поднимается пар. И это тоже вода, водяной пар. Он легко превращается в воду, вода легко замерзает и так далее.

А раз в году вода, на Богоявление, освящается везде, даже в водопроводе. И стоит в сосудах, не портясь долгое время. Но только, если налита с молитвой и чистой совестью. Да, вспомнил Миша, бабушка так же говорила. У неё такая банка есть со святой водой, и она из неё Мише наливали в кружечку.

Назавтра Миша с отцом сбрасывали снег с крыши, с северной стороны. За ночь он отвердел, его легко было резать на большие куски. Они с шуршанием ехали вниз и падали, разбиваясь на землю. Некоторые куски Миша специально перебрасывал на южную сторону. Чтобы таяли скорее и текли на юг. Интересно было: снег, составленный из снежинок, умрёт, превратится в воду и никогда не вернётся?

— Вернётся, — весело говорил отец. — Ему наша крыша понравилась. Побудет водой, испарится, поднимется в холод, превратится в снег и аёда, по розе ветров, на север. Как нам без снега? Не в Африке же ему быть. Почему у нас, Миша, реки чистые? Они по полгода подо льдом очищаются. А представь реки Африки, Индии, да иди, попей из них. Не вернёшься.

Они разговаривали о водоразделе.

— Вот повезло нам, пап, да? И табличку Павел Иванович сделает. Что тут раздел вод.

— И что тут живёт Миша, который не выучил алгебру. А давай-ка мы новый скворечник соорудим. И старый подремонтируем.

С крыши было далеко видно. Да ещё и дом стоял на высоком месте. Далеко, на севере, синел лес, на юге тоже. А вверху шли облака. Шли, куда повелевал ветер. А ветру кто повелевал? Роза ветров? А розу кто вырастил?

КОРАБЛЬ

Вот уже и паспорта отштамповали, и вещи просветили, а на корабль не пускают. Держат в нагретом за день помещении морвокзала. Нам объяснили, что корабль досматривает бригада таможенников. Раньше таких строгостей не было. Ждать тяжело: сидеть почти не на чем, вдобавок жаровца. Да ещё и курят многие вовсю. С нами группа журналистов, а с них что взять? Хозяйства жизни. В группе преимущественно женщины в брюках, и среди этих женщин некурящих нет.

Прямо виски ломит от этого дыма. Подошёл к охраннику и попросил его, прямо взмолился, выпустить хотя бы у выхода постоять, а не в помещении.

— А потерпеть не можете? — спросил он. — Скоро уже отшмонают. Уже ваши угощение таможенникам понесли.

— Не могу, голова болит.

Он посторонился и я вышел в южную майскую ночь. Стоял у решётки ограждения перед водой, видел в ней отражения зелёных, жёлтых и красных огней, слышал её хлопанье о причал и очень хотел поскорее оказаться в своей каюте, бросить сумку и отдраить иллюминатор, в который обязательно польётся свежий морской воздух. И услышать команды отчаливания, начало дальней дороги.

Потом, когда отшумит провожающий буксир, когда утомлённые расставанием с землёй паломники и пассажиры тоже затихнут, выйти на палубу, быть на ней одному, ощущать подошвами большое, умное тело корабля и знать, что и луна и морские глубины соединились для того, чтобы сказать тебе: смотри, смотри, эта красота и мощь земного мира пройдут, старайся запомнить их.

И стоять на носу, слышать, как ударяются о форштевень и раздваиваются волны, как распускаются белые крылья пены, вздымающие корабль. Дышать, дышать простором, глядеть на небо, находить по звёздам север,

крестить родных и близких, и Россию. И обращаться к югу, креститься на него, вспоминая Святую Землю, и замирать, и надеяться на новую с ней встречу. И радоваться, что она начинает приближаться.

Но как ещё далеко и долго. Но не пешком же. Даже не под парусами. И хорошо, что далеко, хорошо, что долго. Будут идти дни и ночи, солнце станет жарче, а луна крупнее. В Чёрном море будут прыгать дельфины, а в Средиземном заштормит. Далёкие острова будут проплывать у горизонта, как во сне. Звёзды каждый вечер будут менять расположение, Большая Медведица снизится, Полярная звезда отдалится, и однажды утром покажется, что ты всегда жил на этом корабле.

Через две недели. Уже за кормой Святая Земля. Корабль уходит в закат. Слева возникает широкая лунная дорога. Сидел на носу, глядел на мощные покатые волны. В памяти слышалось: “Бездна бездну призывает во гласе хлябий Твоих”. И: “Вся высоты Твоя и волны Твоя на мне проидоша”.

На воде голубые стрелы света. Зелёное и золотое холмистых берегов. Не хочется уходить в каюту. Приходит, появляется звёздное небо, будто меняется покров над миром. Шум моторов, шум разрезаемой воды, как колыбельная. Но почему-то вдруг глубоко и сокрушённо вздыхаешь.